

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет исторических и политических наук

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕГОДНЯ: НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ ПРОШЛОЕ, НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ

**Сборник материалов XVI Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 21–23 апреля 2021 г.)**

Выпуск 16

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

сбора таких исторических источников, можно получить больше достоверной информации о тех событиях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что историческая память о репрессиях лучше сохранилась у респондентов в возрасте от 40 до 60 лет, так как они лучше осведомлены о влиянии репрессий на судьбу их семьи. При этом они не просто продолжают помнить влияние репрессий, но и сохранять и передавать следующим поколениям эти знания. Среди же респондентов 18–25 лет знают о влиянии репрессий на судьбу родственников гораздо меньше опрошенных. Кроме того, они в большинстве не стремятся об этом узнать от родственников или через изучение доступной информации в СМИ, интернете и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадмаев В.Н. Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 1 (13). С. 78–84.
2. Положенцева И.В., Кашенко Т.Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. 2014. № 12. С. 42–46.
3. Грак Е.А. Память о депортации как фактор этнической идентичности (на примере немцев красноярского края) // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2019. № 2. С. 114–123.

УДК 930.2

Д.В. Игнатьев

«ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА» И «СВЯТАЯ ГОРА» КАК «МЕСТА ПАМЯТИ» В ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ МАКСИМА ГРЕКА

В статье рассматривается вопрос об эвристическом потенциале методологии memory studies при анализе творчества Максима Грека. Поднимается вопрос о специфике самоидентификации писателя с помощью конституирующих «мест памяти». Приведены примеры ис-

пользования «мест памяти» московским писателем в своих трудах. Делается вывод о причастности Максима Грека к memoria ecclesiae.

Ключевые слова: Максим Грек, «места памяти», идентичность, церковная память, Святая гора

Выдающийся русский писатель XVI в. греческого происхождения Максим Грек – исключительное явление для русского средневековья. Рождённый в 1470 г. в греческом городе Арте, Михаил Триволис (мирское имя Максима Грека) прошёл нелёгкий путь, оказавшись к концу своей жизни (1556 г.) причастным, по замечанию И. Шевченко, к четырём мирам: греческому, западному, молдавлахийскому и московскому [1]. Византийский интеллектual был склонен идентифицировать себя с окружающими его духовным и физическим пространствами [2. С. 12], что ставит вопрос об использовании методологии «мест памяти» при изучении его сочинений «московского периода». Данная работа призвана подтвердить её верифицируемость на материалах сочинений московского писателя.

Под «местом памяти» здесь следует понимать, как конкретные географические локусы, явления, процессы, события, укоренившиеся в памяти конкретного человека, так и комплекс различных элементов, способствовавших самоидентификации, в том числе в том числе – топосы и дискурсы, складывающиеся в некотором сообществе. Рабочую схему возникновения «мест памяти» и признания их в качестве таковых предложил Л. Штайндорфф [3. С. 17]. Схема состоит из трёх блоков. Во-первых, нужно обозначить то, «что необходимо помнить» посредством конкретного «места памяти» (его этническую, региональную, конфессиональную принадлежность). Во-вторых, показать, «что определяет конкретное «место памяти»». В-третьих, охарактеризовать тех, «кто признаёт это место памяти». В качестве «акцептирующего субъекта» «мест памяти» автор предлагает рассматривать как общество, так и конкретные институты, и индивидуумов.

Именно таким «индивидуумом» и актором «горячей» функции памяти, присущей, как полагает Я. Ассман, формирующимся идентичностям [4. С. 72], святогорский монах выступил в годы своего пребывания в России.

Прибыв в Москву в 1518 г., афонский инок постепенно стал консолидирующей фигурой для кружка лиц, объединившего его московских помощников и учеников. Эта «Московская академия Максима Грека» [5. С. 166] руководствовалась задачами, поставленными перед Святогорцем великим князем Василием III – переводом и исправлением священных текстов. Единая идея – просвещение православного мира – объединяла Максима Грека и его единомышленников, и «священные книги» и их переводы в соответствии с ней становились неотъемлемым «местом» «церковной памяти», которое признавала «академия».

Перевод Бесед св. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, выполненный русским книжником Селиваном под руководством Максима Грека, сопровождался *«Посланием россиянам, сербам и болгарам о переводе Бесед св. Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея»* (составлено около 1524 г. [6. С. 60]). В «Послании» Максим Грек, называющий себя «святогорцем из священной обители Ватопедской», обращается народам православной ойкумены, скреплённым пространством *memoria ecclesiae* [7]. Все ещё осознавая себя Святогорцем, несмотря на оставшееся без ответа прошение великому князю Василию III (1522 г.) отпустить его назад к Святой горе [2. С. 141], инок продолжает делать переводы в соответствии с монашеским послушанием.

Новым этапом в жизни Максима Грека станут его вовлечение в политические и идеологические конфликты московского общества, обвинение его «академии» в ереси (суды 1525 и 1531 гг.) и заточение инока сначала в Иосифо-Волоколамском и позднее Тверском монастырях.

К этому периоду относится одно из важнейших произведений старца, написанных после соборных осуждений 1525 и 1531 гг., – *«Исповедание православной веры Максима инока из Святыя горы, им же извещает о Христе Иисусе всякого православного священника же и князя, что по всему истиннейши есть православен ино, всю православную веру соблюдая целу и непременну и непорочну»* [8. С. 51]. Примерное время написания этого сочинения – после 1538 г., а его целью стало доказательство иноком чистоты своей веры и отсутствия «еретического порока» перед московскими церковными и светскими властями, судами и судьями [2. С. 186, 190].

Перечисляя обвинения властей, осуждённый инок выделяет, во-первых, обвинение в ереси («еретика мене неповинна чело века называти не страшатся»), во-вторых, обвинение в государственной измене («и врага и изменника богохранимыа дрежавы Рускаяя»). Следом за этим Максим Грек идентифицирует себя как православного христианина и «доброхотного» и «прилежнейшего» богомольца Русской державы («яко благодатию истиннаго Бога нашего Иисуса Христа и правоверен христианъ есмь по всему и богохранимыа дрежавы Руская доброхотень и прилежнииши богомолецъ»). Проблема этнической самоидентификации для Максима Грека тесно связана с попыткой инока разграничить юрисдикции вселенского патриархата и московской митрополии (фактически инок прибегает к «божественымъ правиломъ» и «уставом святых Собор», которые являются составляющими *memoria ecclesiae* [7. С. 35]). Апеллируя к своей греческой родине («грек бо азъ и въ Гречестей земли и родився и въспитанъ и постригся въ иноки»), Максим Грек заявляет, что он «повинень есмь» только Вселенскому Патриарху.

Обратим внимание на следующие «места памяти» «Исповедания», сохраняя внутреннюю последовательность их упоминаний в тексте этого творения – «православная вера», «Святая го-

ра», «держава Русская». Это даёт основание считать, что, во-первых, «православная вера», признаваемая и опальным иноком, и «московскими властями», выступает как консолидирующее «место памяти»; во-вторых, «Святая гора» – остаётся значимее Русского государства. Иначе говоря, [над]региональная идентичность Максима Грека как афонского старца стояла выше идентичности подданного русского государя.

Именно во время пребывания на Святой горе, как замечает Н.В. Синицына, «был заложен фундамент личности, воздвигнуты опоры, позволившие выдержать удары судьбы, испытания, с терпением нести свой крест, груз несправедливых обвинений, клеветы, но также и непрерывавшееся ученое служение» [2. С. 90]. О том, что Святая гора являлась несомненным «местом памяти», признаваемым афонским иноком и остальным православным миром, свидетельствуют неоднократные обращения к Ивану IV как самого Максима Грека [9. С. 8], так и некоторых иерархов. В грамоте 1545 г. александрийский патриарх Иоаким просил освободить Максима и «дать ему волю итти, куда захочет, а прежде всего к месту его пострижения» [2. С. 194]. Максим Грек был назван «учителем православной веры». В 1546 г. константинопольский патриарх Дионисий II просит освободить узника Московской державы не только от своего имени, но от лица иерусалимского патриарха и всего Собора [2. С. 194].

Своеобразную «сумму» своего жизненного пути теперь уже московский писатель и старец подводит в письме к Макробию (1552 г.), где с некоторой долей иронии он называет себя некогда бывшим «жителем Эллады», который «ныне стал Гипербореицем» и именует Россию «святейшей» [10. С. 240]. Так недружелюбная Россия, пленником которой оказался Святогорец, окончательно утверждается Максимом Греком как часть православного мира, тождественная, вероятно, Святой горе. Региональная же самоидентификация отходит на второй план, «рече-

ский писатель» стал «московским книжником», но остался православным иноком, духовным индикатором родины которого является прежде всего «святость» этой самой родины.

Подводя итог исследования, можно утверждать, что методология «мест памяти» может быть использована при анализе наследия Максима Грека. Представляется, что инок, на протяжении всей жизни идентифицировавший себя со «Святой горой» (выражение прежде всего конфессиональной идентичности, сакрального пространства, и лишь потом региональной идентификации), в момент своего прибытия в Москву и создания там первых переводов, был вынужден, прибегая к «православной вере» как к «месту памяти», доказывать свою причастность к коллективной «церковной» памяти. Эта «церковная память», *memoria ecclesiae*, по выражению М. Гардзанини [7. С. 35], будучи признаваемой и Максимом Греком, и русским обществом, оказалась наиболее плодотворным полем для построения диалога между опальным иноком и московскими книжниками. Максим Грек сам был создателем «мест памяти». Удавалось ему это делать не только с помощью составления единых собраний своих сочинений, но и поведения, которое воспринималось его современниками как «подвижничество». О последнем говорит почитание Святогорца, начавшееся ещё при жизни, а также сложившиеся к концу XVI в. сказания об иноке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко И. Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / отв. ред. Р.М. Шукуров. М. : Индрик, 2009. С. 477–492.
2. Синицына Н.В. Максим Грек. М. : Молодая гвардия, 2008. 236 с.
3. Штайндорфф Л. «Синописис» как «место памяти» Руси // «Места памяти» Руси конца XV – середины XVIII в. / отв. ред. А.В. Доронин. М. : Политическая энциклопедия, 2019. С. 14–24.

4. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
5. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М. : Аспект Пресс, 1996. 368 с.
6. Грек Максим. Непрочитанное / пер. с церк.-славян. И.М. Грицевской; пер. с греч. Д. М. Буланина, Б.Л. Фонкич. СПб. : Дмитрий Буланин, 2021. 288 с.
7. Гардзанини М. Библиейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // Труды Отдела древней литературы. 2007. Т. LVIII. С. 28–41.
8. Максим Грек. Сочинения. Т. 2 / отв. ред. Н.В. Синицына. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 432 с.
9. Журова Л.И. «Тот, кто был элладцем, сегодня стал гиперборейцем...». К 500-летию прибытия Максима Грека в Россию // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17: Журналистика. С. 7–14.
10. Максим Грек. «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на еллинскую прелесть» (перевод Д. М. Буланина) // Труды Отдела древней литературы. 1993. Т. 47. С. 215–228.

УДК 930.1

А.Г. Мананникова

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИОПИСАНИЯ ПОЛЯ РИКЁРА КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Цель работы – конкретизировать идейный вклад раннего Поля Рикёра в дискуссию о проблемах объективности и специфике научной рациональности в истории. В статье рассматриваются основные положения концепции исторической науки, предложенной Полем Рикёром в научном труде «Время и рассказ», во многом предопределившем основные теоретические поиски исторической науки на рубеже XX–XXI веков, показаны характерные для раннего Рикёра способы соотношения проблематики времени и нарративной формы истории, позволяющие историкам формулировать рациональные аргументы для участия в современных методологических дискуссиях.

Ключевые слова: эпистемология истории, «Время и рассказ» Поль Рикёр, нарративная концепция, философия науки